

УДК: 327.7

Рузимов Тимур Ярашбой угли

Магистрант 2 курса

Институт международных отношений и востоковедения

Казанский федеральный университет,

Казань, Российская Федерация

**ТРАНСФОРМАЦИЯ РОССИЙСКО-УЗБЕКСКИХ ОТНОШЕНИЙ
В КОНТЕКСТЕ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ Ш.М.
МИРЗИЁЕВА**

Аннотация. Статья посвящена анализу трансформации российско-узбекских отношений в контексте переосмысления внешнеполитического курса Республики Узбекистан после прихода к власти Ш. М. Мирзиёева. На основе институционального и политико-экономического подходов исследуются изменения в логике двустороннего взаимодействия, динамика договорной базы, характер миграционного и экономического сотрудничества, а также роль Ташкента в региональных инициативах. Установлено, что российско-узбекская модель 2017–2021 годов представляет собой пример постблокового партнёрства, основанного на гибком согласовании интересов вне рамок формальных интеграционных структур.

Ключевые слова. Узбекистан, Россия, внешняя политика, двусторонние отношения, Центральная Азия, Шавкат Мирзиёев, институциональное сотрудничество, постсоветское пространство, региональная политика.

Annotation. The article examines the transformation of Russian-Uzbek relations in the context of Uzbekistan's foreign policy reorientation following the rise of President Shavkat Mirziyoyev. Using institutional and political-

economic approaches, the study analyzes changes in bilateral cooperation logic, the evolution of legal agreements, the nature of migration and economic ties, and Uzbekistan's role in regional initiatives. It is argued that the 2017–2021 model of Russian-Uzbek relations illustrates a form of post-bloc partnership based on pragmatic interest alignment beyond formal integration frameworks.

Keywords. *Uzbekistan, Russia, foreign policy, bilateral relations, Central Asia, Shavkat Mirziyoyev, institutional cooperation, post-Soviet space, regional policy.*

Введение

Вступив в постсоветский период с намерением сохранить внешнеполитическую Начало XXI века ознаменовалось для Узбекистана формированием парадоксальной внешнеэкономической архитектуры: при высоких темпах прироста валового внутреннего продукта сохранялась внутренняя уязвимость, обусловленная критической зависимостью от внешнеторговых потоков. Страна, опираясь на стабильный приток валютной выручки, выстраивала модель, в которой экспорт сырьевых и сельскохозяйственных товаров служил основным ресурсом воспроизводства. Однако структурная ограниченность этой модели, при поверхностной устойчивости, вскрылась в период с 2012 по 2016 год, когда спад внешней торговли оказался сопряжён с замедлением экономического роста и нарастанием внутренних социально-экономических противоречий.

Параллельно с этими процессами происходила стагнация регионального взаимодействия: отказ от участия в кооперационных инициативах, резкое охлаждение контактов с соседними странами и акцент на самоизоляцию сформировали внешнеполитический вектор, при котором Узбекистан постепенно утрачивал позиции в Центральной Азии. При этом разрыв с региональными структурами не сопровождался институциональным

переосмыслением роли государства во внешнем контуре. Ведомственная замкнутость, риторическая ригидность и нормативная фрагментарность лишь закрепляли стагнационные тенденции, препятствуя формированию стратегических альянсов на евразийском пространстве.

Смена высшего руководства в 2016 году означала не столько формальный переход власти, сколько качественное переопределение самих оснований, на которых базировалась внешнеполитическая философия республики. Шавкат Мирзиёев, унаследовав внутренне разобщённую и внешне сдержанную политическую систему, предложил иную логическую модель взаимодействия с миром, в которой экономическая модернизация и восстановление регионального диалога стали взаимосвязанными компонентами стратегической трансформации. Уже в первых официальных документах, включая Стратегию действий на 2017–2021 годы, обнаруживалась установка на институциональное перепроектирование и сбалансированное внешнеполитическое маневрирование, при котором приоритеты внутреннего развития обретали международное измерение.

Особую значимость в этой конфигурации приобрели отношения с Российской Федерацией. Не будучи зафиксированными в рамках формализованных союзов, они стали развиваться на основе практической взаимозависимости, усиливающейся по мере расширения экономических и миграционных потоков. Принципиальный отказ от политико-идеологического принуждения при выборе партнёра позволил Ташкенту сконструировать двустороннюю повестку, в которой Россия рассматривалась как гарант стабильности и равноправного сотрудничества в условиях нарастающего китайского влияния в регионе.

Изучение трансформации российско-узбекских отношений требует выхода за рамки описательных категорий и требует интерпретации их как элемента более широкого процесса внешнеполитического самоопределения Узбекистана. Вопрос о том, каким образом новая внешнеполитическая

стратегия, инициированная Ташкентом, повлияла на характер и содержание двустороннего взаимодействия с Москвой, приобретает особую актуальность в условиях постсоветской реорганизации евразийского пространства, где устойчивые альянсы формируются не столько в рамках блоковой дисциплины, сколько на базе гибкой прагматики.

Настоящее исследование направлено на выявление институциональных, политико-экономических и геостратегических факторов, определяющих характер российско-узбекских отношений в контексте внешнеполитических реформ, инициированных администрацией Мирзиёева. Проблемное поле анализа включает в себя, с одной стороны, изменение логики внешнеполитического поведения Узбекистана, с другой – особенности адаптации российской дипломатии к новым реалиям партнёрства в Центральной Азии.

Материалы и методы

Методологическая основа исследования выстраивается на сочетании институционального и политико-экономического подходов, позволяющих выявить глубинные механизмы эволюции внешнеполитической стратегии Узбекистана при Ш. М. Мирзиёеве и оценить их проекцию на характер российско-узбекского партнёрства. Концептуально работа опирается на принципы современной сравнительной политологии, в частности – на интерпретации постсоветской трансформации государственности через призму внешнеполитического самоопределения в условиях ограниченного суверенитета, усиленной регионализации и деформированной институциональной преемственности.

Среди ключевых методологических инструментов используется компаративный анализ, ориентированный на сопоставление внешнеполитических практик Узбекистана до и после 2016 года, а также на

выявление особенностей двустороннего взаимодействия с Россией по сравнению с политикой Ташкента в отношении других крупных внешних акторов – прежде всего Китая и государств Центральной Азии. Параллельно применяется дискурс-анализ официальных документов, в первую очередь – «Стратегии действий по пяти приоритетным направлениям развития Республики Узбекистан в 2017–2021 годах», а также речей, стенограмм, меморандумов и межправительственных соглашений, заключённых в рамках двустороннего диалога. Исследуется вербальная составляющая внешнеполитических деклараций и динамика их реализации в форме институциональных решений и экономических соглашений.

Наряду с этим, значительное внимание уделено нормативно-договорной базе российско-узбекских отношений, включающей документы стратегического, отраслевого и регионального уровня. Анализируются соглашения, заключённые в ходе визитов высшего руководства, межправительственные протоколы, соглашения о трудовой миграции, сотрудничестве в области транспорта, энергетики, сельского хозяйства, образования, а также материалы заседаний межправкомиссий. Особый акцент сделан на изучении характера двустороннего взаимодействия в отсутствие формального членства Узбекистана в ключевых интеграционных объединениях (ОДКБ, ЕАЭС), что позволяет интерпретировать наблюдаемую модель как форму асимметричной взаимности без привязки к союзническим обязательствам.

Источниковая база исследования охватывает широкий круг материалов, включая:

– статистические данные Государственного комитета Республики Узбекистан по статистике, Федеральной таможенной службы РФ, ЕАБР и Азиатского банка инфраструктурных инвестиций;

– информационные сводки и аналитические обзоры, подготовленные Центром экономических исследований и реформ при Администрации Президента Республики Узбекистан, ИМЭМО РАН и РСМД;

– экспертные доклады международных организаций, в том числе UNESCAP, Всемирного банка и Международного валютного фонда, в части, касающейся регионального сотрудничества в Центральной Азии;

– научные публикации российских и зарубежных исследователей, специализирующихся на постсоветской внешней политике, институциональном развитии Центральной Азии, а также трансформации внешнеполитических стратегий в условиях гибридного суверенитета.

Метод реконструкции внешнеполитической логики Ташкента использовался для выявления латентных ориентиров, не зафиксированных напрямую в программных документах, но прослеживаемых в последовательности практических шагов: выборе направлений первых визитов, приоритетах договорных кампаний, специфике экономических союзов и характере публичной риторики.

Результаты

Процесс формирования новой внешнеполитической парадигмы Узбекистана, запущенный после 2016 года, не носил характера декларативной перенастройки. Он разворачивался как результат институционально оформленного отказа от прежнего курса, тяготевшего к замкнутости, стратегическому нейтралizmu и выстраиванию внешнеполитических позиций преимущественно через негативную селекцию рисков. С приходом Ш. М. Мирзиёева на первый план вышла иная логика – логика позитивного проектирования внешнеполитического пространства, где отношения с Россией заняли не постольку привилегированное, сколько функционально интегральное положение в новой системе приоритетов.

Переориентация внешнеполитических усилий, проводимая в связке с экономическими и административными реформами, изначально была ориентирована не на символическое сближение с отдельными центрами силы, а на восстановление способности Узбекистана к многоуровневой внешнеполитической субъектности. Уже первые дипломатические шаги нового руководства – в частности, последовательность и направленность визитов в 2017 году – зафиксировали вектор, при котором укрепление регионального измерения политики шло рука об руку с наращиванием двустороннего взаимодействия с ключевыми международными партнёрами. В этом контексте Россия предстала не как единственный или исключительный опорный пункт, а как партнёр, способный обеспечить Узбекистану необходимый горизонт устойчивости при сохранении внешнеполитической автономии.

Качественное изменение структуры российско-узбекских отношений выразилось в институционализации тех направлений взаимодействия, которые при прежней модели внешнеполитического поведения оставались недоработанными либо маргинализированными. Подписание свыше пятидесяти соглашений в рамках апрельского визита Ш. М. Мирзиёева в Москву в 2017 году имело не столько количественное, сколько структурное значение. За рамками номинальных договорённостей проявилась тенденция к формированию многоотраслевой системы сотрудничества, в которой транспорт, энергетика, промышленность, образование и трудовая миграция представляли собой не разрозненные сферы, а функционально взаимосвязанные узлы экономико-политической синергии.

Параллельно с этим происходила активизация форматов взаимодействия, лишённых обязывающей союзнической риторики. Узбекистан, последовательно избегая присоединения к военно-политическим блокам и интеграционным проектам с наднациональной вертикалью, добился парадоксального результата – расширения сферы двустороннего

сотрудничества без вовлечения в формализованные обязательства. Подобная конфигурация, основанная на принципе селективного участия, позволила сохранить стратегическую гибкость и создать условия для предметного диалога с Россией в тех сферах, где интересы сторон оказываются комплементарными без угрозы конфликтов по чувствительным направлениям.

Показательным в этом смысле стало восстановление доли России в структуре внешней торговли Узбекистана. Если до 2016 года наблюдалось устойчивое снижение присутствия российских товаров и инвестиций на узбекском рынке, обусловленное как внутренними барьерами, так и переориентацией на китайские источники капитала, то уже к концу 2017 года доля России в экспорте Узбекистана выросла до 23,3%, а в 2018 году – до 27,4%. Указанные показатели фиксируют не временное колебание, а устойчивую тенденцию возврата России в число ключевых экономических партнёров республики, сопровождающуюся институциональной проработкой соответствующей договорной базы.

Миграционное направление также претерпело глубокую трансформацию. Подписанные в 2017–2018 годах соглашения о трудовой деятельности и правовой защите узбекских граждан в Российской Федерации стали реакцией на существующий поток трудовой миграции и шагом к его нормативному оформлению, ориентированному на стабилизацию и институционализацию. Таким образом, российско-узбекские отношения вышли за рамки экономического расчёта, закрепившись в социально-гуманитарной плоскости, где миграция перестаёт быть побочным продуктом экономической неустойчивости, превращаясь в элемент стратегического взаимодействия.

В то же время наблюдалась трансформация региональной роли Узбекистана, сопряжённая с его стремлением к координации усилий по стабилизации Центральной Азии. Международная конференция по Афганистану, организованная в Ташкенте в марте 2018 года, стала знаковым

событием: Узбекистан предложил площадку для диалога и выдвинул себя в качестве политического посредника, претендующего на региональную субъектность в вопросах безопасности и развития. Поддержка со стороны России в данном процессе усилила представление о Ташкенте как о государстве, способном формировать альтернативную повестку регионального взаимодействия, не зависящую от внешнего патронажа.

Фактологическая совокупность данных, полученных в ходе анализа двусторонних контактов, договорной базы и экономической статистики, указывает на то, что российско-узбекское сотрудничество в посткаримовский период обрело структурную плотность, ранее отсутствовавшую. Речь идёт не о механическом наращивании связей, а о встраивании России в реконструируемую внешнеполитическую архитектуру Узбекистана в качестве предпочтительного партнёра – не из-за идеологической или исторической обусловленности, а по причине совпадения практических интересов, совпадения масштабов и уровня взаимной адаптивности.

Обсуждение

Анализ эволюции российско-узбекских отношений в контексте новой внешнеполитической стратегии Узбекистана под руководством Ш. М. Мирзиёева требует выхода за пределы описательной плоскости и постановки более широкого исследовательского вопроса: каким образом политическая субъектность малой (в терминах глобального влияния) евразийской державы может быть восстановлена и институционализована не через блоковую привязку, а посредством гибкой региональной и двусторонней конфигурации? Ответ на этот вопрос не может быть однозначным, однако в случае Узбекистана выстраивается целостная логика внешнеполитического маневрирования, при которой отказ от формализованного союзничества не препятствует стратегической координации.

Сама структура взаимодействия между Ташкентом и Москвой после 2016 года демонстрирует отход от прежней схемы асимметричной зависимости, свойственной постсоветскому пространству в 1990–2000-х годах. Речь идёт о формировании партнерской модели, не подчинённой логике вертикального доминирования и не опирающейся на идеологическую легитимацию. При этом примечательно, что отказ Узбекистана от формального членства в ОДКБ или ЕАЭС не вызвал со стороны России ни давления, ни откровенного охлаждения. Напротив, наблюдалась тенденция к развитию функционального сотрудничества в обход политических надстроек – феномен, ускользающий от классических моделей интеграции и поддающийся объяснению лишь с позиций постгегемонистского подхода, акцентирующего взаимную адаптацию в условиях недоверия к многосторонним институтам.

Растущее значение миграционного фактора в двусторонней повестке, сопровождавшееся институциональным оформлением соответствующих соглашений, говорит о том, что социальная ткань отношений начинает формироваться на уровне человеческого обмена, а не только межгосударственного расчёта. Таким образом, модель сотрудничества выходит за пределы ресурсной и инфраструктурной зависимости, включая в себя элементы сопряжённой идентичности, что открывает возможность для формирования нового типа регионального взаимодействия – менее иерархического, но более устойчивого.

Ещё один аспект, заслуживающий внимания, касается пространственного измерения взаимодействия. Региональная политика Узбекистана, с одной стороны, явно тяготеет к восстановлению центральноазиатского диалога, а с другой – демонстрирует осторожную дистанцию от попыток внешних игроков (в том числе России и Китая) превратить регион в сферу своего одностороннего влияния. Здесь прослеживается стремление к сохранению стратегического баланса, при

котором Россия воспринимается как партнёр, способный нейтрализовать потенциальные избыточные притязания Пекина, но без переноса центра тяжести в сторону российского покровительства. Подобная стратегия балансирования, реализуемая в условиях многополярности, согласуется с представлением о селективной открытости как о рациональной внешнеполитической практике государств, обладающих ограниченным суверенитетом, но сохраняющих волю к его реконфигурации.

В более широком теоретическом контексте российско-узбекская модель последних лет может рассматриваться как выражение тренда на переход от вертикальной интеграции к модульному сотрудничеству, где приоритет отдается проектной логике, а не институциональному принуждению. Данная логика проявляется в упоре на секторальные соглашения, совместные инфраструктурные инициативы, а также в наращивании двусторонней координации по вопросам, не охватываемым традиционными союзными форматами. Возникает модель, при которой отказ от институциональной фиксации не ослабляет сотрудничество, а наоборот – придаёт ему гибкость и адаптивность, особенно важные в условиях флуктуирующего международного порядка.

Именно в этом контексте стоит рассматривать попытки Узбекистана выступать в роли координатора внутрицентральноазиатского взаимодействия: через организацию конференций, выдвижение инфраструктурных и логистических инициатив, вовлечение афганской тематики в региональную повестку. Поддержка этих процессов со стороны Москвы фиксирует появление в политической практике России признаков дифференцированного подхода к партнёрству, в рамках которого центральная власть в Узбекистане получает пространство для манёвра, не вступая в конфликт с российскими интересами.

Таким образом, на основе выявленных данных можно говорить о формировании новой модели взаимодействия, в которой постсоветская

близость перестаёт быть единственным источником сближения, уступая место рациональному выбору, базирующемуся на совпадении долгосрочных интересов и совместимости политических культур. Узбекистан, перестраивая свою внешнеполитическую доктрину, не утрачивает независимость, а, напротив, воспроизводит её в новом качестве – через институциональное расширение своей субъектности в рамках гибкой региональной системы, в которой Россия остаётся предпочтительным, но не исключительным партнёром.

Заключение

Внешнеполитический курс Узбекистана, получивший новое содержательное наполнение с приходом к власти Ш.М. Мирзиёева, явился выражением глубокой институциональной и концептуальной трансформации, затронувшей саму природу взаимодействия государства с внешним миром. Осознанный отказ от стратегии изоляционизма, свойственной позднему каримовскому периоду, дал возможность переосмыслить роль Узбекистана в региональных и межгосударственных форматах, превратив внешнюю политику из производной внутренних ограничений в активный инструмент национального развития.

В этом контексте российско-узбекские отношения предстали не как результат исторической инерции или геополитического притяжения, а как тщательно сконструированная форма партнёрства, опирающаяся на прагматичное согласование интересов и институциональную гибкость. Последовательное укрепление двусторонней договорной базы, восстановление экономической взаимосвязанности, расширение сотрудничества в гуманитарной, образовательной и миграционной сферах указывают на устойчивость данной конфигурации, не зависящей от формализованных союзных структур.

Показательно, что сближение с Россией происходило в условиях сознательного дистанцирования от интеграционных блоков и на фоне стратегических инициатив, направленных на усиление роли Ташкента в Центральной Азии. Узбекистан выстраивал двусторонние отношения с Москвой и стремился встроить их в более широкую логику регионального лидерства, сохраняя пространство для самостоятельной внешнеполитической навигации. В этом – принципиальное отличие посткаримовской модели: отказ от бинарной логики зависимости в пользу конструктивного многовекторного сотрудничества.

Исследование подтвердило, что в условиях, когда международная среда характеризуется нарастающей конкуренцией между центрами силы и эрозией универсальных институтов, именно способность выстраивать модульные, институционально адаптивные форматы партнёрства становится критическим ресурсом для государств второго эшелона. Российско-узбекская модель последних лет может рассматриваться как эмпирический прецедент того, как политическая субъектность, может быть, не утрачена в процессе трансформации, а, напротив, воссоздана в новых формах – через стратегическое маневрирование, нормотворческую избирательность и экономическую изобретательность.

Перспективы дальнейшего углубления российско-узбекского взаимодействия во многом будут зависеть от того, сумеют ли обе стороны сохранить баланс между институциональной автономией и политической синхронизацией. Отказ от принуждения, переход к политике гибких обязательств и развитие доверия как категории внешнеполитической практики представляют собой инструменты текущего выстраивания отношений и основу для формирования более устойчивой архитектуры межгосударственного взаимодействия в Евразии, выходящей за пределы идеологических или военно-интеграционных парадигм.

Использованные источники

1. Борисов Д.А. Внешняя политика Узбекистана при Ш. Мирзиёеве: стратегия и практика // Международные отношения. 2019. С. 131–136.
2. Государственный комитет Республики Узбекистан по статистике / Stat.uz. – URL: <https://stat.uz/ru/ofitsialnaya-statistika/vneshneekonomicheskaya-deyatelnost-itorgovlya/analitika-torgovlya> (дата обращения: 15.04.2025).
3. Жураев С. Россия и Узбекистан: контуры развития сотрудничества / Российский совет по международным делам. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiya-i-uzbekistan-kontury-razvitiya-sotrudnichestva/> (дата обращения: 06.04.2025).
4. Зарубежные визиты Президента Узбекистана в 2016–2018 гг. / President.uz. – URL: <https://president.uz/ru/lists/category/8> (дата обращения: 15.04.2025).
5. Заявление МИД Узбекистана. Ташкентская международная конференция высокого уровня по Афганистану «Мирный процесс, сотрудничество в сфере безопасности и региональное взаимодействие» / Министерство иностранных дел Республики Узбекистан. – URL: <https://mfa.uz/ru/press/statements/2018/03/14123/> (дата обращения: 15.04.2025).
6. Кудряшова И. Российско-узбекские отношения: эволюция и современные вызовы // Россия и новые государства Евразии. 2023. № 2. С. 120–132.
7. Статистические данные по экономическому развитию и внешней торговле Узбекистана за 2012–2016 гг. / UNCTADstat. – URL: <http://unctadstat.unctad.org/wds/ReportFolders/reportFolders.aspx> (дата обращения: 15.04.2025).
8. Стратегия действий по пяти приоритетным направлениям развития Узбекистана в 2017–2021 гг. от 07.02.2017 г. / Gazeta.uz. – URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2017/02/07/strategy> (дата обращения: 15.04.2025).

9. Эргашев Б. Экономический пояс шелкового пути и Узбекистан / China-Uz-Friendship. – URL: <http://china-uz-friendship.com/?cat=8> (дата обращения: 15.04.2025).